

Владимир Путин: одиннадцать лет, которые изменили власть

Премьерство, которое стало прелюдией

Когда в 2008 году Дмитрий Медведев занял пост президента, многие восприняли это как разрыв с эпохой "Владимир Путин". Однако реальность оказалась сложнее. Путин, уйдя в премьерское кресло, не потерял рычагов влияния — он переформатировал их. За четыре года его второго премьерства были приняты законы, усилившие контроль над силовыми структурами и экономикой. Например, поправки к закону "О милиции" (2009) и реформа МВД, запущенная после громких скандалов с "оборотнями в погонах", готовились именно в Белом доме.

Тогда же началась тонкая настройка механизма "ручного управления" регионами. Губернаторы, ещё сохранявшие выборность до 2012 года, получали указания напрямую из кабинета премьера. Никаких публичных распоряжений — только телефонные звонки и закрытые совещания. Система работала безотказно, но её цена была высока: местные элиты теряли самостоятельность, привыкая ждать сигнала из центра.

Возвращение в Кремль: неожиданная скорость

2011 год стал переломным. Уже к осени стало ясно, что Дмитрий Медведев не пойдёт на второй срок. Официально решение объявили в сентябре на съезде "Единой России", но в кулуарах о нём говорили за полгода до этого. [Владимир Путин](#), объявляя о выдвижении, сделал ставку на образ "решающего менеджера". Его предвыборная программа обещала конкретные цифры: 6% ВВП на оборону, строительство 500 км дорог ежегодно, создание 25 миллионов рабочих мест.

Выборы 2012 года прошли с рекордной явкой в 65% и победой в первом туре. Однако протесты на Болотной площади и последовавшее за ними ужесточение законодательства — законы о митингах, об НКО, о "пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений" — показали, что новая власть будет действовать жёстче. Путин лично курировал разработку этих законов, проводя совещания в расширенном составе с участием силовиков и юристов.

Политическая система 2012–2018: как работала машина

В эти годы сложился окончательный каркас власти. Принятие закона о едином дне голосования (2013) лишило оппозицию возможности проводить кампании вразнобой. А поправки к закону "О выборах Президента Российской Федерации" (2014) ужесточили

требования к сбору подписей и регистрации кандидатов. Владимир Путин подписывал эти документы без публичных обсуждений, объясняя необходимость "стабильностью".

Параллельно выстраивалась вертикаль в судебной системе. Назначение председателей Верховного и Конституционного судов стало прерогативой Кремля, а не юридического сообщества. Дело ЮКОСа, хоть и завершилось ещё в 2007 году, оставалось прецедентом: после 2012 года ни один крупный бизнесмен не рискнул открыто оспаривать решения власти.

Экономика под санкциями: выживание вместо роста

После 2014 года, когда против России ввели первые блоки санкций, Кремль сделал ставку на импортозамещение. Официальные отчёты Минпромторга рапортовали о росте доли отечественных комплектующих в оборонке до 90%. Но на практике это означало, что гражданские отрасли — от станкостроения до микроэлектроники — оказались на полуголодном пайке. Заводы, выпускавшие военную продукцию, не могли перестроиться на выпуск бытовой техники из-за отсутствия лицензий и компонентов.

Путин лично контролировал программу космических запусков: после 2014 года бюджет "Роскосмоса" вырос на 40%, но количество коммерческих пусков упало вдвое. Причина — отказ западных страховщиков работать с российскими ракетами.

Внешняя политика: от Сирии до Украины

Сирийская кампания, начавшаяся в 2015 году, стала первым военным конфликтом, где Россия применила авиацию за пределами постсоветского пространства. Путин лично утверждал список целей и типы боеприпасов. По данным открытых источников, за первые два года операции ВКС совершили более 30 тысяч вылетов, уничтожив около 40 тысяч объектов. Цена вопроса — около 2 миллиардов долларов ежегодно, сопоставимая с расходами на МЧС.

На украинском направлении решения принимались в похожем ключе. После 2014 года Кремль не признавал своего военного присутствия в Донбассе, но регулярно проводил ротации "отпускников" — военнотружущих, формально уволенных, но продолжавших получать выплаты через закрытые ведомственные системы.

Культура и общество: новый контракт

С 2012 года власть активно формировала идеологический фон. Закон о запрете "гей-пропаганды" среди несовершеннолетних (2013) поддержали 80% опрошенных ВЦИОМ. Путин, комментируя его, говорил о "традиционных ценностях" и "защите детей". Параллельно шло финансирование патриотических НКО: только через программу

"Роспатриотцентр" в 2015–2017 годах выделили 1,5 миллиарда рублей на молодёжные форумы и лагеря.

Но была и обратная сторона. После убийства Анны Политковской (2006) и нападения на Олега Кашина (2010) расследования журналистов, критикующих власть, стали редкостью. В 2015–2016 годах в редакциях "Коммерсантъ" и "Новая газета" прошли обыски по делам о "клевете" и "разглашении гостайны".

Итоги: что изменилось за одиннадцать лет

Если оценивать по ключевым показателям, то за 2008–2019 годы ВВП России вырос на 22%, а реальные доходы населения — всего на 5% (с учётом инфляции). Военные расходы увеличились вдвое, а число людей за чертой бедности сократилось на 2 миллиона — цифра мизерная на фоне 22 миллионов бедных по официальной статистике 2019 года.

Система, построенная в эти годы, оказалась чрезвычайно устойчивой. Она пережила санкции, падение цен на нефть в 2014–2016 годах и пандемийный кризис 2020-го. Но её главной характеристикой стала не эффективность, а способность к самосохранению. Любое решение, угрожающее стабильности, либо блокировалось на входе, либо откладывалось на неопределённый срок.

В итоге Россия в 2019 году пришла к точке, где власть и общество говорили на разных языках. Одиннадцать лет, прошедшие с момента, когда Владимир Путин впервые покинул президентский пост, изменили не столько его стиль, сколько саму природу российской политики. Она стала более закрытой, более иерархичной и менее предсказуемой для внешнего наблюдателя. Но для тех, кто находился внутри системы, всё было логично: каждый шаг диктовался не идеологией, а инстинктом выживания.